



О роли царских врачей в реализации внешнеполитических инициатив Петра I в 1716–1721 гг.

А.В. Морохин

Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

Статья посвящена изучению роли царских врачей в решении ряда внешнеполитических вопросов России в эпоху правления Петра I. В работе анализируется деятельность Роберта Арескина и Георгия Поликалы. Арескин сыграл ключевую роль во взаимоотношениях Петра I с якобитами в условиях ухудшения отношений России и Англии в 1717–1718 гг. Поликала был задействован российским правительством в отношениях с Османской империей.

Источники свидетельствуют, что Р. Арескин был главным лоббистом идеи поддержки российским правительством Якова III Стюарта. С этой целью во время второго европейского путешествия Петра I медик при посредничестве своих родственников, активных сторонников свергнутой династии, вёл переговоры с представителями шведского короля Карла XII и с другими европейскими дипломатами. На деятельность Арескина повлиял дипломатический скандал, разразившийся в начале 1717 г. в связи с раскрытием очередного заговора якобитов, к которому оказались причастны официальные круги Швеции. Тогда тайные переговоры медика с представителями государства, находившегося в состоянии войны с Россией, стали достоянием гласности. Несмотря на официальные заверения Петра I и Арескина о непричастности к деятельности противников английского короля Георга I, переговоры с якобитами продолжались и позднее, во время пребывания царя во Франции и Голландии. Арескин поддерживал эти контакты и после возвращения Петра I в Россию, что усугубило и без того сложные отношения с Англией. После кончины царского врача «якобитская интрига» в России завершилась.

Г. Поликала был причастен к деятельности российской дипломатии в Османской империи. Имели место его активные контакты с посланником России в Стамбуле П.А. Толстым, известно о его попытках вывезти с территории Османской империи А. Кантемира. К сожалению, сведения об участии Поликалы в мероприятиях тайной дипломатии Петра I носят отрывочный характер.

Ключевые слова: Россия, Великобритания, Османская империя, тайная дипломатия, лейб-медики, якобиты

УДК: 94, 327

Поступила в редакцию: 20.10.2021

Принята к публикации: 15.11.2021

История петровской дипломатии уже не одно столетие привлекает внимание исследователей. Однако среди различных сюжетов в рамках данной проблематики малоисследованным остаётся вопрос о роли лейб-медиков Петра I в реализации некоторых внешнеполитических инициатив. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы дополнить существующие сведения о тайной дипломатии Петра I и реконструировать причастность к этой сфере его личных врачей.

Деятельность одного из лейб-медиков, Роберта Арескина (1677–1718), неоднократно привлекала внимание зарубежных исследователей, в том числе и в связи с его причастностью к неофициальным контактам российского правительства с якобитами (Wills 2002; Collins 2012; Кросс 2005). Российские историки второй половины XIX столетия также частично касались этих сюжетов (Брикнер 1881; 1881 а: 657–658). Контакты агентов Петра I с якобитами попадали и в поле зрения советских исследователей, занимавшихся изучением истории отношений России и Великобритании в годы Северной войны (Никифоров 1950). Особо следует выделить работу С.А. Фейгиной, которая ввела в научный оборот ряд оригинальных источников, связанных с деятельностью Арескина по налаживанию контактов с якобитами (Фейгина 1959). Современные авторы также считают, что врач Петра I играл важную роль в тайных переговорах с якобитами (Стерликова 2007: 67–69). Некоторые новые факты, связанные с инициативами якобитов, стали известны благодаря новейшему исследованию Д.Н. Копелева (Копелев 2018)

Фигура второго врача, Георгия Поликалы (1655– после 1725), лишь недавно привлекла внимание специалистов в связи с некоторыми «внепрофессиональными» аспектами деятельности медика, в частности, с его контактами с семьёй Кантемиров и П.А. Толстым (Цвиркун 2008: 145–146; Ястребов 2018: 151–152).

Ряд новых источников, извлечённых из центральных архивов, позволяет существенно дополнить имеющиеся в распоряжении исследователей сведения о роли царских врачей Р. Арескина и Г. Поликалы в тайной дипломатии Петра I.

Деятельность Р. Арескина в России в 1704–1716 гг.

Представитель именитого шотландского рода, Р. Арескин окончил Оксфордский университет со степенью доктора философии и Утрехтский университет со степенью доктора медицины. Он также обучался в университетах Эдинбурга и Парижа, владел несколькими языками и состоял в переписке с известными учёными. С 1704 г. деятельность Арескина была связана с Россией¹. Сначала

¹ Английский купец Г. Стелс 2 августа 1704 г. писал А.Д. Меншикову о том, что «по приказу всемилостивейшего писал из Москвы в Лондоне о дохторе к брату моему. И он, слава Богу, сыскал человека изрядного и во всех науках искусного, и чаю, по нраву милости вашей во всем будет». В том же 1704 г. Г. Стелс в письме интересовался у светлейшего князя: «Тако ж желаю слышать: аглинский дохтор Арескин доехал ли в добром здравие. И пожалуй,

он поступил на службу к А.Д. Меншикову в качестве домашнего врача. Пётр I сразу обратил внимание на разностороннюю образованность и деловые качества шотландца; с 1705 г. Арескин начал лечить царя. 14 мая 1705 г. из Москвы больной лихорадкой Пётр I писал Меншикову: «В которой болезни не меньши тоска разлучения с вами, что я многажды в себе терпел, но ныне уже вящше не могу, извольте ко мне быть поскорей, чтоб мне веселей было, о чем сам можешь разсудить. Також возми дохтора Англинского и приезжай с небольшими сюды» (Письма и бумаги 1893: 342). Под «англинским дохтором» как раз и подразумевался Арескин, который именуется таким образом и в ряде других писем Петра I и его соратников в 1705–1706 гг.² Медицинская помощь, оказанная Арескиным Петру I в 1705 г., видимо, не была разовой, поскольку британский посланник в том же году называл медика «врачом при царе» (Кросс 2005: 138). В 1707 г. Роберт Карлович, как Арескина называли в России, стал руководить Аптекарским приказом, затем он получил должность лейб-медика царя, а в последние годы жизни возглавлял медицинскую службу России в должности архиатера³.

Современники оставили свидетельства видной роли Арескина в реорганизации работы Аптекарского приказа, а затем и Медицинской канцелярии. А. Гордон признавал, что Арескин «привёл императорскую аптеку в то превосходное состояние, в котором она теперь находится: она снабжает лекарствами армии и флоты, да и всю империю и приносит большие дополнительные прибыли в царскую казну» (Кросс 2005: 138). Голландец К. де Бруин, посетивший Москву по дороге из Ирана в 1710 г., отмечал, что Арескин «пользуется большим вниманием всех, за его отличное знание своего дела и личные достоинства, равно как любезное обращение и вежливость». По его свидетельству, Арескин занимался «собираением со всех сторон и укладкой в бумагу с удивительною чистотою всех главнейших трав и цветов, употребляемых в медицине». Тогда же у Арескина возникла идея организовать экспедицию в Сибирь для сбора лекарственных трав и растений. Деловые качества Роберта Карловича проявились и в том, что он смог добиться для Аптекарского приказа нового каменного здания (Бруин 1873: 248–249). Документы Аптекарского приказа позволяют сделать вывод, что Роберт Карлович предпочитал иметь дело с английскими купцами. Так, в 1712 г. «на дачу жалованья аптекарского чина людям» в Петербурге архиатер занимал деньги «у торговых иноземцев Ивана Иванова сына Жанета да у Самойла Гарцейта», которые «дали на Москве иноземцу Карлусу Гутвелю» 2200 рублей⁴. В 1715 г. по чертежу Арескина в Петербурге был построен госпи-

государь, будь к нему милостив, а воистину он премного доброй человек и чаю милости вашей угоден будет». Архив Санкт-Петербургского Института Истории РАН Ф. 83. Оп. 1. Д. 415. Л. 1 об.; Д. 371. Л. 1.

² Письма и бумаги императора Петра Великого. 1900. Т.4. Санкт-Петербург. С. 297, 987.

³ Пётр I назначил Арескина архиатером 30 апреля 1716 г., находясь в Гданьске. Годовое жалование царского врача составляло 3000 рублей. Российский государственный архив древних актов (Далее – РГАДА). Ф. 154. Оп. 2. № 106. Л. 1 – 1 об.; Ф. 9. Кн.14. Л. 2.

⁴ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. № 320. Часть 2. Л. 34 об.

таль⁵. Незаурядные организаторские качества, надо полагать, способствовали успешной карьере медика в России.

Сохранились свидетельства и о том, что помимо своих непосредственных обязанностей врач зачастую выступал ещё и советником царя по политическим вопросам (Беспятых 1997: 399). Источники свидетельствуют о том, что уже в первые годы своего пребывания в России Арескин делился с Петром I информацией, полученной неформально от английского посла в России Ч. Уитворта⁶. Сопровождавший Петра I во время его поездки по Франции Э.Ф. де Либуа сообщал в Париж, что царский врач «имеет сильное желание вмешиваться во все дела»⁷. В дальнейшем французские политики, предполагая заключить с Россией торговый договор, связывали свои надежды с лейб-медиком Петра I.

Французский дипломат А. де Лави (17) мая 1717 г. сообщал, что письменно просил Арескина «поговорить в мою пользу в случае, если обо мне его станут расспрашивать»⁸. Судя по некоторым сведениям, врач активно интересовался и другими внешнеполитическими вопросами. Английский дипломат Д. Норрис в 1715 г. признавал, что Арескин «благодаря своему влиянию оказал большую услугу британцам». Тот же Норрис летом 1717 г., в разгар т.н. «Мекленбургского дела», намеревался добиваться решения вопроса о выводе российских войск из северной Германии «окольными путями, через доктора, с которым я говорил» (Wills 2002: 43). Надо полагать, высокому мнению о возможностях царского врача способствовали активные контакты Арескина с подданными Британской империи, приезжавшими в Россию. В частности, сохранились сведения о том, что в 1717 г. в летнем доме врача в Петергофе, который его друзья именовали *Bremar House* (по аналогии с шотландским замком Бремар, принадлежавшем семье Арескина) останавливались англичане и шотландцы. Летом 1717 г. там гостил английский купец Р. Мейнуэринг, к которому вскоре присоединились моряк Браун, купцы Я. Ходжкин и Р. Хайуитт. Вся эта компания принимала в доме Арескина генерала Брюса и «им там нравилось, там было похоже на Шотландию» (Дриссен – ванн хет Реве 2015: 73). Примечательно, что 25 июня и 13 июля 1717 г. эту группу англичан «в дохтурском дворе» в Петергофе навещал А.Д. Меншиков⁹.

Р. Арескин и «якобитская интрига» 1716–1717 гг.

Наибольшую известность Арескину, которого современники характеризовали как «усердного якобита», принесло активное участие в деятельности сторонников Якова III Стюарта в 1716–1717 гг.

⁵ *Архив СПб ИИ РАН*. Ф. 270. Оп. 1. № 78. Л. 36.

⁶ *Письма и бумаги императора Петра Великого*. 1900. Т. 4. Санкт-Петербург. С. 297.

⁷ *Сб. РИО*. 1881. Т. 34. Санкт-Петербург. С. 164.

⁸ Там же. С. 214.

⁹ *Труды и дни Александра Даниловича Меншикова: Повседневная записка делам князя А.Д. Меншикова 1716 – 1720, 1726 – 1727 гг.* 2004. Москва. С. 139, 143.

В начале 1717 г. в Англии был раскрыт один из заговоров якобитов, в организации которого принимали участие шведы. 9 февраля 1717 г. в Лондоне арестовали шведского посла К. Юлленборга; его переписка была предъявлена дипломатическим представителям в Лондоне и опубликована. Среди бумаг Юлленборга обнаружили письма, где упоминались «некоторые фрагменты, касающиеся доктора Арескина, царского врача, и Его Царского Величества лично, и они сочтены слишком весомыми, чтобы можно было ими пренебречь или обойти молчанием, ибо они до некоторой степени отражают поведение этого Монарха к его Британскому Величеству»¹⁰. В частности, в одном из писем Арескина говорилось, что Пётр I не предпримет больше никаких враждебных действий против шведского короля и никогда не будет другом английскому королю Георгу I, что царь сочувствует справедливому делу претендента (Якова III Стюарта) и ничего не желает больше, как такого положения, при котором он смог бы его восстановить на английском престоле. Кроме того, в письме первого министра Карла XII Г.Г. Гёрца Юлленборгу от 11 декабря 1716 г. упоминался родственник лорда Мара (видимо, кузен Р. Арескина – А.М.), который прислал известие о том, что «царь имеет некоторую склонность к миру, которой мы не преминем воспользоваться»¹¹. Эти факты дали английскому правительству повод обвинить Россию в причастности к заговору. На основании того, что главным заговорщиком считался старший брат Роберта – Джон Арескин, который в 1716–1717 гг. был посредником в переговорах шотландских сторонников Якова III Стюарта со шведским правительством, было сделано предположение, что и царь через своего лейб-медика знал об этих планах.

Между тем в марте 1717 г. Пётр отправил через Ф.П. Веселовского, резидента в Лондоне, меморандум английскому правительству, в котором поздравил короля с раскрытием заговора и официально уведомил Георга в своей непричастности к замыслу шведов. Царь выражал удивление информацией о том, что «будто Его Царского Величества лейб медикус Арешкин о сем деле с графом Маром корреспонденцию имел и оному объявлял, что Его Царское Величество справедливость дела претендента признавает и ничего так не желает как случаи и конъюнктуры, чтоб онаго на его королевство возстановить с другими злыми и досадительными экспрессиями, и хотя Его Царское Величество в разсуждении помянутого его лейб медика всегдашних верных поступок во время уже 13-летней его службы верить не может, чтоб он так себя забыл и в такую непристойную корреспонденцию без всякого указа вступил», ибо Пётр I своего врача «кроме того что до профессии его касается, ни к каким советам и статским делам не употребляет, толь меньше же может Его Величество верить, что он при том Его Величества высокое имя злоупотребить и такие неправости на

¹⁰ РГАДА Ф. 35. Оп. 1. № 7 (1717 г.). Л. 121.

¹¹ РГАДА Ф. 35. Оп. 1. № 7 (1717 г.). Л. 121, 186.

него затеять дерзнул и тем в опасность всеконечной своей гибели привести похотел», так как царь «сколь скоро уведав, что некоторые из сродников его» выступали против Георга I, «то тотчас изволил ему заказать не то что о каких делах но и о партикулярных своих никакой корреспонденции с ними не иметь». Пётр имел разговор с врачом, который «засвидетельствовал, что как он во всем том весьма невиновен и непричастен» и «под присягою и потеряннем живота своего декларировал, что он никогда таких писем к Конте Мару и ни к кому не писал и обнадежен, что ни от кого ему того доказанья быть не может и таких его писем нигде не явится, в котором случае он себя жесточайшему наказанию охотно подвергает». В свою очередь Арескин написал английскому государственному секретарю Дж. Стенхопу письмо, в котором отрицал все обвинения и уверял, что не вёл с Маром переписки, наносящей ущерб интересам английского короля¹².

Вопреки этим официальным заверениям, реальная ситуация выглядела иначе. К концу лета 1716 г. первый министр Карла XII Г. Гёрц разработал план заключения сепаратного мира с Россией и соглашения с якобитами, которые ещё в 1715 г. предлагали шведскому королю совместные действия¹³. В этих контактах важную роль играли родной брат Роберта – Джон Арескин, его кузен Чарльз Арескин и племянник Г. Стирлинг. В июле 1716 г. Джон Арескин получил поручение доставить Карлу XII письмо от претендента, в котором излагалось предложение о высадке в Шотландии десанта в 8-10 тысяч человек (Фейгина 1959: 159). Роберт Арескин в то время сопровождал Петра I в его втором путешествии по Европе. Эти поездки способствовали активизации контактов окружения Петра I с якобитами. В сентябре 1716 г. Дж. Арескин получил из Дании от брата письмо с приглашением от имени царя тайно посетить Копенгаген. В конце того же месяца Ч. Арескин писал из Копенгагена Дж. Арескину, что Роберт пользуется расположением и доверием царя, намекая тем самым на широкие возможности якобитов в России (Александренко 1897: 26). В ноябре–декабре 1716 г. по инициативе Гёрца между шведскими дипломатами, находившимися в Англии, началась переписка по поводу налаживания контактов с Петром через его врача, дабы вовлечь царя в якобитскую интригу. Вполне возможно, что инициаторами этих контактов выступили якобиты. 17 ноября 1716 г. секретарь Гёрца Г. Юлленбург писал из Гааги своему брату К. Юлленбургу в Лондон о возможном привлечении к якобитской интриге тайной русской дипломатии. Он сообщил о письме шведского посла во Франции Э. Спарре, который обращал внимание на то, что двоюродный брат лорда Мара – врач русского царя. Видимо, лорд Мар и способствовал вовлечению своего кузена в дела якобитов, считая, что все представители их клана должны способствовать реставрации

¹² РГАДА Ф.35.Оп.1. № 445 л. 1–20.

¹³ Архив СПб ИИ РАН Ф. 276. Оп. 2. № 133. Т. 1. С. 340.

Стюартов, и «если они этого не сделают, то недостойны происходить из нашей семьи» (Wills 2002: 44). Р. Арескин о планах Петра писал лорду Мару так: «Царь, имея все преимущества полностью на своей стороне, не может сделать первого шага; но если король (Карл XII – А.М.) сделает малейший аванс, между ними очень скоро будет достигнуто соглашение» (Фейгина 1959: 161). Гёрц 12 ноября 1716 г. писал Э. Спарре, что мир с Россией можно заключить в течение трёх месяцев, и ссылаясь при этом на Р. Арескина: «Французский канал в настоящее время не самый удобный для нас. Между тем я не могу не думать, что через канал, представляемый врачом-фаворитом, можно использовать добрые намерения царя... Если царь приедет сюда и удастся иметь приватную беседу с фаворитом, то мы безусловно сумели бы далеко продвинуть дело, предполагая, как я сказал, что написанное фаворитом достаточно обоснованно». 11 декабря Гёрц сообщил К. Юлленборгу в Лондон, что царский врач подтвердил желание Петра заключить мир. Узнав о планах царя посетить Гаагу, Гёрц надеялся встретиться там с медиком, дабы прояснить перспективы дальнейших переговоров с царём (Фейгина 1959: 161–162). Сохранились сведения о том, что в начале 1717 г., в разгар заговора Юлленборга, доктор Арескин в сопровождении некоего «шотландского капуцина» встречался в Амстердаме с Гёрцем и обсуждал с ним, сколько денег нужно для организации вторжения в Шотландию (Murray 1969; Wills 2002: 48–49; Копелев 2018: 28). Данный факт был известен современникам. Б.И. Куракин, в то время российский посол в Гааге, указывал во «Введении к главам к Гистории» о «начатии интриг барона Гёрца в интересе Претендента с нашим двором и у нас с Претендентом через дохтура Аретина»¹⁴. По свидетельству Вольтера, после встречи с Гёрцем Арескин «изобразил князю Меншикову величие сего проекта с той живостью выражений, каковая свойственна человеку заинтересованному. Авансы сии пришлось по вкусу князю, да и сам царь также одобрил их» (Вольтер 1999: 240).

Помимо личных переговоров с первым министром Карла XII лейб-медик Петра напрямую контактировал с К. Юлленборгом, который после разговоров с Арескиным пришёл к выводу, что царь ненавидит Георга I и «с охотой отправит его к самому дьяволу» (Копелев 2018: 29). Все контакты и переговоры были тайными, врач явно не намеревался делать их достоянием гласности.

В этой связи показательна реакция Арескина на предпринятую английским правительством публикацию писем К. Юлленборга: медик явно перепугался. С.А. Фейгина обратила внимание на донесение из Амстердама от 16 марта 1717 г. английского представителя в Голландии Литса, который писал, что 14 марта 1717 г. застал Арескина за чтением бумаг. Врач в крайнем возбуждении метался по комнате, говорил сам с собой и был не в состоянии что-либо объяснить своему гостю. Тогда же руководители внешнеполитического ведом-

¹⁴ *Архив князя Ф.А.Куракина*. 1890. Кн. 1. Санкт-Петербург. С. 89.

ства России собрались для составления жалобы на лейб-медика. Тот клятвенно уверял, что никогда не писал Мару и не помышлял о том, что ставят ему в вину. Английский дипломат сообщал, что Арескин «имеет больших врагов при царском дворе, хотя Куракин состоит в тесной дружбе с ним». Вечером 14 марта Пётр получил записку от своих министров, которые обвинили врача в том, что он писал Мару, будто бы царь поручил Арескину вести переговоры о сепаратном мире. Пётр ответил, что ему ничего об этом не известно. Царь был в гневе от публикации бумаг К. Юлленборга, призвал врача, который всё отрицал и приписал публикацию писем намерению врагов царя поссорить его с Георгом I (Фейгина 1959: 172– 173). Из приведённого текста следует, что руководители внешнеполитического ведомства России канцлер Г.И. Головкин и вице-канцлер П.П. Шафиров не были осведомлены о контактах Арескина с оппозиционными английскими кругами на континенте и были не в восторге от его выходящей за рамки официальных обязанностей деятельности.

Между тем и после публикации материалов К. Юлленборга связи тайной русской дипломатии с якобитами не были разорваны. Теперь основные усилия якобитов направились на посредничество в заключении мира между Россией и Швецией. Ч. Арескин в письме от 1 марта 1717 г. известил лорда Мара о том, что Пётр принял якобита Г. Стирлинга, племянника своего врача. Мар ставил доктора Арескина в известность о своём пребывании в Париже, очевидно, надеясь на встречу с ним. Когда стало известно, что Пётр из Голландии направляется во Францию, якобит Ю. Патерсон написал об этом 16 апреля 1717 г. в Париж графу Мару, сообщив, что доктор Арескин с одобрения царя желает встретиться с ним, а содействовать этой встрече мог бы другой их родственник – Вильям Арескин. По прибытии в Париж доктор встречался с Маром дважды, 9 и 11 мая. Лейб-медик предлагал отправить одного из сторонников Стюарта, герцога Дж. Ормонда, к шведскому королю, дабы склонить последнего к миру с Россией. Мар убеждал русскую сторону принять посредничество Якова III в переговорах с Карлом XII и при этом рекомендовал умерить требования царя. Также известно, что летом 1717 г. Мар решил отправить в Швецию своего представителя, поручив ему содействовать заключению мира и военного союза между Россией и Швецией с привлечением к нему Якова III. Через Арескина Мар обращался к Петру: «Как почётно было бы для царя, находясь во главе такого союза, не только укрепить и обеспечить за собой большую часть своих собственных приобретений, но и, восстановив оскорблённого монарха, в некоем роде привести в порядок всю Европу, сделаться мощным и надёжным другом этого монарха и вдвоём с ним вместе с теми государями, которые пожелали бы искать их дружбы, диктовать законы всей Европе» (Фейгина 1959: 173–174; 218). Информацией об этих переговорах царский врач делился и с рядом других лиц. Француз А. де Лави 11 ноября 1717 г. сообщал: «Шведский адмирал Ореншильдт передавал

мне, что как сообщал ему доктор Арескин, мир со Швецией весьма близок к заключению»¹⁵.

Во время путешествия Петра по Европе в 1717 г. лейб-медик активно способствовал встречам царя с видными представителями якобитов. Так, находясь во Франции, Пётр посетил монастырь Св. Марии в Шано, где встретился с вдовой Якова II Марией Моденской. Секретарь британского посольства Томас Кроуфорд отмечал, что в Париже «все якобиты толпятся возле его [царя] дома и делают вид, будто это очень важно. Руководит ими доктор Арескин» (Кросс 2018: 107). Британские агенты внимательно отслеживали все эти контакты. На царского врача обратили внимание и французы. Они установили, что в Голландии Арескин не расставался с неким «шотландским капуцином, прозванным архангелом»¹⁶.

Контакты с якобитами продолжились и после того, как Пётр оставил Францию. 5 июля в Спа, где царь находился на водах, приехал Дж. Батлер, герцог Ормонд; он встретился с Р. Арескиным, а 8 июля получил аудиенцию у Петра. В октябре 1717 г. ганноверский министр Робетон сообщал ганноверскому резиденту в России Ф.Х. Веберу: «Считаю нужным известить вас, что царь ныне получает письма от претендента, также как и лейб-медик Эрскин (Арескин – А.М.), который всегда был и есть душой этих интриг и у которого претендент постоянно содержит тайного агента...» (Брикнер 1881 а: 657). Вебер также отмечал активные контакты врача с якобитами: «ежедневно Арескин собирается с этой компанией мятежников». Дипломат не просто жаловался на интриги врача, считая, что тот «всегда останется помехой для хороших отношений между царём и королём», но даже требовал от имени английского короля изгнания Арескина из России (Вебер 2011: 260. В 1718 г. Вебер предложил П.П. Шафирову 30 тысяч дукатов за «уничтожение» Арескина (Бушкович 2009: 392).

Р. Арескин и Г. Стирлинг: якобиты в России

Причины пристального внимания к фигуре лейб-медика со стороны дипломатов Георга I заключались в том, что при активной поддержке Арескина в Петербурге с начала лета 1718 г. весьма энергично действовал один из эmissаров Якова III – Г. Стирлинг, приходившийся, как отмечалось выше, племянником врачу и проживавший в его доме в Малой Морской слободе¹⁸. Стирлинг поддерживал переписку с европейскими дворами, при которых его патрон имел своих эmissаров, и «был в руках русского правительства козырем для оказания давления на английскую дипломатию» (Фейгина 1959: 348). Согласно архивным документам, на встрече с руководителями внешнеполитического ведомства России в

¹⁵ *Сб. РИО*. 1881. Т. 34. Санкт-Петербург. С. 261.

¹⁶ Там же. С.170 – 171.

¹⁷ *РГАДА* Ф. 9. Оп. 3. Кн. 44. Л. 155 об.

марте 1718 г. Вебер заявил, что до Георга I дошла информация о том, что герцог Ормонд и другие якобиты нашли прибежище в Курляндии и «будто с ним (Петром I – А.М.) трактуют об альянсии супружества з герцогинею Курлянскою (Анной Иоанновной – А.М.) или меншою государынею царевною, племянницею Его Царского Величества (Прасковьей Иоанновной – А.М.)». Об этом Ормонд сообщил Мару и другим своим сторонникам в Англии и Шотландии, добавив, что «они (якобиты – А.М.) обретаютца под протекциею Его Царского Величества и содержатца во всяком довольстве и чают доброго предшества в своей неготиации». Петровские дипломаты эту информацию опровергали, утверждая, что царь Ормонду и прочим якобитам «не токмо какой протекции обещать не изволил, но не был и известен о их тамо (в Курляндии – А.М.) пребывании» и «им никакой протекции не обещано». В ответ Вебер просил Петра «указы свои дать, чтоб шкотцов претендентовой партии из Митавы выслать и чрез то все подозрения отнять». 10 мая 1718 г. Вебер заявил министрам царя, что «здесь один эmissар от претендента прозванием Стерлинг в доме господина Арескина обретаецца, которой во Францию писал что супружество между одной из принцесс Его Царского Величества и претендентом заключено будет» и просил выслать из России Стирлинга¹⁸. Пётр пошёл навстречу этим пожеланиям, и в конце 1718 г. Вебер был вынужден покинуть Петербург. По свидетельству голландского дипломата де Би, царь приказал Арескину немедленно удалить племянника из России «а также не принимать и не ласкать английских и шотландских недовольных, а тем более не приглашать их в Россию и быть вообще осторожным в словах и поступках под опасением царской немилости»¹⁹. По информации Вебера, получив выговор от царя, Арескин «ужасно рассердился и говорил, что намерен ещё больше прежнего сохранять упомянутые связи» (Брикнер 1881: 197). Насколько достоверны эти сведения, судить трудно. Вполне вероятно, что Пётр ограничился половинчатыми мерами, распорядившись выслать племянника лейб-медика из Петербурга, но одновременно оставив его в России. Об этом может свидетельствовать тот факт, что в начале 1719 г. Стирлинг оказался в Петербурге и царь, по словам Вебера, ему «выказал особливую милость» (Вебер 2011: 175). Следует отметить, что высылка из России Стирлинга не привела к улучшению отношений России с Великобританией.

Арескин сохранил положение при дворе Петра вплоть до своей кончины. 4 сентября 1718 г. врач почувствовал себя плохо; он жаловался Б.И. Куракину: «У меня почти не было свободного времени: то я на борту корабля, то на галерах, то в палатке, но всегда всё было плохо, и я был подвержен суровым условиям местности, от чего я до сих пор страдаю, и я благодарю Господа за наше возвращение, которое состоялось вчера вечером. Его Величество в отлич-

¹⁸ РГАДА Ф. 35. Оп. 1. № 467 (1718 г.) Л. 3–23 об.

¹⁹ *Материалы для истории русского флота*. 1867. Часть IV. Санкт-Петербург. С. 158–159.

ном здравии, так же как императрица и вся царская семья» (Дриссен – ванн хет Реве 2015: 185). Судя по сохранившимся письмам Арескина к А.Д. Меншикову, медик продолжал работать вплоть до начала октября 1718 г.²⁰ Затем состояние его здоровья ухудшилось и он отправился на лечение минеральными водами в Петрозаводск, куда прибыл 23 ноября 1718 г. Какой болезнью страдал врач, неизвестно, сохранились лишь упоминания о его «тяжёлой телесной слабости». Арескин намеревался принимать минеральные воды, но, по свидетельству В.И. Геннина, смог выпить лишь две небольшие рюмки воды, которая уже не помогла умирающему: «... и через полчаса вырвано тую черною флегмо» (Самойлов 1852: 20–21). Медик скончался в ночь с 29 на 30 ноября 1718 г. на Олонецком Петровском заводе. Пётр распорядился произвести вскрытие тела для выяснения причин смерти – «какою он болезнью был болен и не дано ль ему какой отравы»²¹. На пышных похоронах лейб-медика в Александро-Невской лавре царь «пролил реки слёз» (Дриссен – ванн хет Реве 2015: 185–186). После кончины Р. Арескина интерес Петра к «якобитской интриге» явно ослабел. Попытки Г. Стирлинга и других сторонников Якова III склонить царя к активным действиям против Георга I, направив в Англию экспедиционный корпус в раз-
мере 10 тысяч солдат, были проигнорированы (Бантыш-Каменский 1894: 134).

Вскрытие тела Арескина проводил Георгий Поликала – врач, который по иронии судьбы тоже принимал участие в тайных внешнеполитических мероприятиях Петра.

Георгий Поликала: страницы биографии

Итальянский грек, получивший образование в университете Падуи и Риме, Поликала некоторое время жил в Стамбуле. Он открыл аптеку и вошёл в доверие к русскому посланнику П.А. Толстому, вылечив от тяжёлой болезни его сына и став после этого домашним доктором семьи. В 1704 г. медик был принят на русскую дипломатическую службу, а в 1711 г. стал лечащим врачом царицы Екатерины Алексеевны и оставался в этой должности вплоть до своей добровольной отставки в 1725 г. Со стороны венценосной пациентки к Поликале никаких претензий не было. В документе об отставке, подписанном от имени вдовы Петра I 31 мая 1725 г., отмечалось, что врач «при дворе нашем... 14 лет служил и во время той своей службы так верно и ревностно по должности своей поступал, как доброму и честному служителю принадлежит и мы им всемило-
стивейше были довольны»²².

²⁰ РГАДА Ф. 198. Оп. 1. № 355. Л. 5.

²¹ РГАДА Ф. 9. Оп. 1. Кн.11. Л. 251 об.

²² РГАДА Ф. 154. Оп.2. № 223. Л. 1-1 об.

В отличие от Арескина, сведения об участии Поликалы в мероприятиях тайной дипломатии Петра носят фрагментарный характер. Известно, что в 1709 г. медик совершал поездку в Рим и некоторое время по поручению П.А. Толстого пробыл в Ватикане. Подробности этой миссии неизвестны (Ястребов 2018). В 1715 г. Поликала вновь выполнял некоторые особые поручения. В частности, он был посредником при передаче в долг супруге царевича Алексея 617 рублей греческими купцами Д. Казановой и И. Стоматьевым²³. Медик зарекомендовал себя весьма предприимчивым человеком. Известно, например, что во время своего проживания в Стамбуле Поликала дал займы большую сумму французским купцам. В июле 1720 г. Пётр просил российского резидента в Турции А.И. Дашкова содействовать возвращению этого займа²⁴.

Поликала был близок семье молдавского господаря Дмитрия Кантемира, которой он оказывал медицинские услуги. Позже ходили слухи, что именно Поликала в угоду Екатерине вызвал преждевременные роды княжны Марии Кантемир, якобы беременной от Петра – императрица опасалась, что у княжны родится сын (Майков 1897: 68; Записки князя Петра Долгорукова 2007: 71, 119–120). Молдавский историк В.И. Цвиркун считает версию о «неудавшемся союзе российского монарха и молдавской княжны» вымыслом князя Петра Долгорукова, потомка отвергнутого княжной жениха – Ивана Григорьевича Долгорукова. В любом случае Поликала «никак не мог исполнить повеление Екатерины “сделать Марии выкидыш”, поскольку в это время ещё находился в пути из столицы Османской империи в Россию» (Цвиркун 2010: 11–12).

Стамбульская миссия Г. Поликалы

Гораздо больший интерес представляет тайная миссия Поликалы в Стамбуле в 1721–1722 гг. В сентябре 1721 г. Пётр направил врача в Константинополь с письменным посланием о заключении между Россией и Швецией Ништадтского мира. Помимо этого официального поручения перед Поликалой была поставлена и другая, более важная задача – пользуясь своими старыми связями в столице Османской империи, подготовить условия для освобождения и переправки в Россию брата молдавского господаря Антиоха Кантемира и его семьи, которые содержались в заключении в Константинополе. Поликала получил деньги на подкуп турецких чиновников, и сверх того 500 рублей на пенсион князя. Кроме того, Пётр приказал доставить в Россию осьминогов и кальмаров. Предполагалось, что в Константинополе для тайной переправки А. Кантемира будет найден корабль, предпочтительно французский, в связи с чем в Петербурге велись переговоры и с Ж. Кампредоном – дипломатическим представителем

²³ РГАДА Ф. 6. Оп. 1. № 97. Л. 1 – 1 об.

²⁴ НИОР РГБ Ф. 404. № 14. Л. 97 об. – 98; № 18. Л. 19 – 20.

Парижа. Очень скоро к этой тайной операции были привлечены дипломаты и сановники ряда государств и сама операция превратилась в секрет Полишинелля. Не веривший в успех предприятия российский дипломат В.Л. Долгоруков в письме Петру от 5 января 1722 г. предложил другой план: «По мне, лучший способ – искать купца, кто б взялся то сделать или искать офицера такого, чтоб на наёмном корабле нарочно для того поехал. Однако ж, ещё буду смотреть, чтоб мне уведомить, как то способнее сделать, буду трудиться, чтоб то учинить...» (Цвиркун 2008; 2010: 70, 103, 252, 261, 263). Видимо, для поиска купца и нужен был Поликала. Детали деятельности медика в османской столице неизвестны. Как бы то ни было, похищение не состоялось, а Поликала вернулся в Россию и продолжил трудиться в качестве придворного врача вплоть до своей отставки, то есть провал миссии не сказался на его карьере. Сохранились сведения о том, что в январе 1725 г. Поликалу, находившегося в Москве, пытались привлечь к лечению умиравшего Петра I: 19 января было предписано «с величайшим поспешанием» отправить медика в Петербург²⁵. Однако помочь царю Поликала не успел.

* * *

Приведённые нами факты, многие из которых содержатся в оригинальных источниках, впервые вводимых в научный оборот, говорят о том, что во внешнеполитической деятельности Пётр I пытался использовать неофициальные связи своих приближённых. Касалось это как европейского направления внешней политики, так и отношений с Османской империей. В обоих случаях действовали лейб-лекари императора – иностранцы Р. Арескин и Г. Поликала, имевшие обширные связи за пределами России. Благодаря действиям этих медиков в России в последние годы царствования Петра I фактически была создана тайная дипломатическая служба.

Об авторе:

Алексей Владимирович Морохин – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политики России Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, научный сотрудник ИРИ РАН. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2. Москва, ул. Д. Ульянова, 19.
E-mail: alexmorohin@yandex.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

²⁵ РГАДА Ф. 396. Оп. 2. № 1104. Л. 23.

UDC: 94, 327

Received: October 20, 2021.

Accepted: November 15, 2021.

Tsarist Doctors in the Implementation of Peter the Great's Foreign Policy Initiatives in 1716 – 1721

A.V. Morokhin

[DOI 10.24833/2071-8160-2021-6-81-110-126](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-6-81-110-126)

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Abstract: The article is devoted to the role of tsarist doctors in solving several foreign policy issues in Russia during the reign of Peter the Great. It analyzes the activities of two doctors - Robert Areskin and George Polikala. Areskin played a crucial role in Peter I's communication with the Jacobites under deteriorating relations between Russia and England in 1717-1718. Polikala, in turn, assisted the Russian government in several interactions with the Ottoman Empire.

Sources indicate that R. Areskin was the leading lobbyist for the idea of the Russian government supporting James III Stuart. With the help of his relatives, who actively supported the overthrown dynasty, Areskin negotiated with representatives of the Swedish King Charles XII and with other European diplomats during the second European trip of Peter the Great. The diplomatic scandal of early 1717 connected to the disclosure of another Jacobite conspiracy involving the official circles of Sweden affected Areskin's endeavors. During these events, the doctor's secret negotiations with representatives of a state at war with Russia became public. Despite the official assurances of Peter the Great and Areskin about their non-involvement in the activities of the opponents of King George I of England, negotiations with the Jacobites continued later, during the tsar's stay in France and Holland. Areskin remained the main initiator of these contacts even after Peter I returned to Russia, which only aggravated the problematic relations with England. However, the death of the tsar's doctor led to the fact that the "Jacobite intrigue" in Russia was over.

Medic G. Polikala was involved in the activities of Russian diplomacy in Turkey. In particular, he had contacts with the Russian envoy in Istanbul, P.A. Tolstoy, and attempted to withdraw A. Cantemir from the territory of the Ottoman Empire. Unfortunately, the information about Polikala's participation in Peter I's secret diplomacy events is sketchy.

The article concludes that the tsarist doctors played an essential role in implementing the foreign policy initiatives of Peter I.

Keywords: Russia, Great Britain, Turkey, secret diplomacy, life doctors, Jacobites

About the author:

Alexey V. Morokhin – PhD(History), Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow. 2 Ulianov st., Nizhny Novgorod, 603005. 19 Dm. Ulianov st., Moscow, 117292, Russia. E-mail: alexmorohin@yandex.ru

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

- Collins R. 2012. *The Petrine Instauration. Religion, Esotericism and Science at the Court of Peter the Great, 1689–1725*. Leiden – Boston: Brill. 576 p.
- Murray J.J. 1969. *George I, the Baltic, and the Whig split of 1717. A Study in Diplomacy and Propaganda*. Chicago: University of Chicago Press. 366 p.
- Wills R. 2002. *The Jacobites and Russia 1715–1750*. Phantassie, East Linton: Tuckwell Press. 253 p.
- Aleksandrenko V.N. 1897. *Russian Diplomatic Agents in London in the 18th Century [Russkie diplomaticheskie agenti v Londone v XVIII v.]* T. 2. Warsaw: Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga. 414 p. (In Russian)
- Bantysh-Kamenskij N.N. 1894. *Overview of Russia's Foreign Relations (up to 1800) [Obzor vneshnih snoshenij Rossii (po 1800 god)]*. Moscow: Tipografiya E. Lissnera i Yu. Romana. 304 p. (In Russian)
- Bespyatih Yu.N. 1997. *Anna Ioannovna's Petersburg in Foreign Descriptions [Peterburg Anni Ioannovni v inostrannih opisaniyah]*. Saint Petersburg: «Blic». 493 p. (In Russian)
- Brückner A.G. 1881. F.-H Weber [F.-H. Weber]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya*. №2. P. 179–221. (In Russian)
- Brückner A.G. 1881 a. Peter the Great's travels abroad from 1711 to 1717 [Puteshestviya Petra Velikogo za granicu s 1711 po 1717 gg.]. *Russkij vestnik*. №2. P. 619–658. (In Russian)
- Bruyn K. de. 1873. *Journey through Muscovy [Puteshestvie cherez Moskoviyu]*. Moscow: Universitetskaya tipografiya. 293 p. (In Russian)
- Bushkovich P. 2009. *Peter the Great. The Struggle for Power [Petr Velikij. Bor'ba za vlast']*. Saint Petersburg: Dmitrij Bulanin. 542 p. (In Russian)
- Cvirkun V.I. 2008. Abduction from Constantinople. From the History of the Relationship between Antioch and Dimitri Kantemirov [Pohishchenie iz Konstantinopolya. Iz istorii vzaimootnoshenij Antioha i Dimitriya Kantemirova]. *Revista de Istorie a Moldovie*. №2. P. 138–146. (In Russian)
- Cvirkun V.I. 2010. *Dmitry Kantemir. Pages of Life in Letters and Documents [Dimitrij Kantemir. Stranicy zhizni v pis'mah i dokumentah]*. Saint Petersburg: Nestor – Istoriya. 412 p. (In Russian)
- Driessen van het Reve J. 2015. *The Dutch Roots of Peter the Great's Kunstkammer: A History in Letters (1711-1752) [Gollandskie korni Kunstkamery Petra Velikogo : istoriya v pis'mah (1711 – 1752)]*. Saint Petersburg: MAE RAN. 364 p. (In Russian)
- Fejgina S.A. 1959. *The Aland Congress: Russia's Foreign Policy at the End of the Northern War [Alandskij kongress: Vneshnyaya politika Rossii v konce Severnoj vojny]*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. 546 p. (In Russian)
- Kopelev D.N. 2018. The Paris Trace of the Atterbury Conspiracy: Jacobites, Pirates and the Russian Ambassador Prince V.L. Dolgorukov. Summer of 1722. [Parizhskij sled zagovora Atteberi: Yakobity, piraty i rossijskij posol knyaz' V.L. Dolgorukov. Leto 1722 goda]. *Rossiya i Franciya: Kul'turnyj dialog v panorame vekov. Materialy H Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa. Saint Petersburg, 9 – 10 iyunya 2017 goda*. Saint Petersburg: Evropejskij Dom. P. 26–34. (In Russian)
- Kross E. 2005. The British are in St. Petersburg. 18 century. [Britancy v Peterburge. XVIII vek]. Saint Petersburg: Dmitrij Bulanin. 526 p. (In Russian)
- Kross E. 2018. A View from across the English Channel: Peter I's stay in Paris in the Context of Anglo-Russian Relations [Vzglyad iz-za La-Mansha: Prebyvanie Petra I v Parizhe v kon-

tekste anglo – rossijskih otnoshenij]. *Evropejskie marshruty Petra Velikogo. K 300-letiyu vizita Petra I vo Franciyu. Materialy IX Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa. Parizh – Rejms, 20–22 aprelya 2017 goda*. Saint Petersburg: Evropejskij Dom. P. 99–107. (In Russian)

Majkov L. 1897. Princess Maria Kantemirova [Knyazhna Mariya Kantemirova]. *Russkaya starina*. №1. P. 49–69. (In Russian)

Mirskij M.B. 1995. Dr. Robert Erskine is the first Russian archiatrist [Doktor Robert Erskin – pervyj rossijskij arhiatr]. *Otechestvennaya istoriya*. №2. P. 135–145. (In Russian)

Nikiforov L.A. 1950. *Russian-English relations under Peter I [Russko-anglijskie otnosheniya pri Petre I]*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. 277 p. (In Russian)

Notes of Prince Pyotr Dolgorukov [Zapiski knyazya Petra Dolgorukova]. 2007. Saint Petersburg: Humanities Academy. 640 p. (In Russian)

Samojlov I. 1852. Peter the Great on the Marcial Waters [*Petr Velikij na marcial'nyh vodah*]. Saint Petersburg: Tipografiya Ya. Treya. 89 p. (In Russian)

Sterlikova A.A. 2007. Call Hertz, the old Hertz... Peter and the «Yakovitskaya intrigue» [Pozovite Gerca, staren'kogo Gerca... Petr i «yakovitskaya intriga»]. *Rodina*. №11. P. 67–69. (In Russian)

Voltaire F.M. 1999. *The story of Charles XII, King of Sweden and Peter the Great, Emperor of Russia [Istoriya Karla XII, korolya Shvecii i Petra Velikogo, imperatora Rossii]*. Saint Petersburg: Limbus Press. 304 p. (In Russian)

Weber F.-H. 2011. *Transformed Russia. New Notes on the Current State of Muscovy [Preobrazhennaya Rossiya. Novye zapiski o nyneshnem sostoyanii Moskovii]*. Saint Petersburg: Iskusstvo – SPb. 304 p. (In Russian)

Yastrebov A.O. 2018. Russian-Venetian Diplomatic and Ecclesiastical Relations in the Era of Peter the Great [*Russko-venecijskie diplomaticheskie i cerkovnye svyazi v epohu Petra Velikogo. Rossiya i grecheskaya obshchina Venecii*]. Moskva: Izdatel'skij dom «Poznanie». 394 p. 576 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Александренко В.Н. 1897. *Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в.* Т.2. Варшава: Типография Варшавского учебного округа. 414 с.

Бантыш-Каменский Н.Н. 1894. *Обзор внешних сношений России (по 1800 год)*. Москва: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа. 304 с.

Беспярых Ю.Н. 1997. *Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях*. Санкт-Петербург: «Блиц». 493 с.

Брикнер А.Г. 1881. Ф.-Х.Вебер. *Журнал Министерства Народного Просвещения*. №2. С. 179–221.

Брикнер А.Г. 1881 а. Путешествия Петра Великого за границу с 1711 по 1717 гг. *Русский вестник*. №2. С. 619–658.

Бруин К. де. 1873. *Путешествие через Московию*. Москва: Университетская типография. 293 с.

Бушкович П. 2009. *Пётр Великий. Борьба за власть*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин. 542 с.

Вебер Ф.-Х. 2011. *Преображённая Россия. Новые записки о нынешнем состоянии Московии*. Санкт-Петербург: Искусство – СПб. 304 с.

Вольтер Ф.-М. 1999. *История Карла XII, короля Швеции и Петра Великого, императора России*. Санкт-Петербург: Лимбус Пресс. 304 с.

Дриссен – ван хет Реве Й. 2015. *Голландские корни Кунсткамеры Петра Великого: история в письмах (1711–1752)*. Санкт-Петербург: МАЭ РАН. 364 с.

Записки князя Петра Долгорукова. 2007. Санкт-Петербург: Гуманитарная Академия. 640 с.

Копелев Д.Н. 2018. Парижский след заговора Аттербери: Якобиты, пираты и российский посол князь В.Л. Долгоруков. Лето 1722 года. *Россия и Франция: Культурный диалог в панораме веков. Материалы X Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 9–10 июня 2017 года*. Санкт-Петербург: Европейский Дом. С. 26–34.

Кросс Э. 2005. *Британцы в Петербурге. XVIII век*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин. 526 с.

Кросс Э. 2018. Взгляд из-за Ла-Манша: Пребывание Петра I в Париже в контексте англо-российских отношений. *Европейские маршруты Петра Великого. К 300-летию визита Петра I во Францию. Материалы IX Международного петровского конгресса. Париж – Реймс, 20–22 апреля 2017 года*. Санкт-Петербург: Европейский Дом. С. 99–107.

Майков Л. 1897. Княжна Мария Кантемирова. *Русская старина*. №1. С. 49–69.

Мирский М.Б. 1995. Доктор Роберт Эрскин – первый российский архиатр. *Отечественная история*. № 2. С. 135–145.

Никифоров Л.А. 1950. *Русско-английские отношения при Петре I*. Москва: Государственное издательство политической литературы. 277 с.

Самойлов И. 1852. *Пётр Великий на марциальных водах*. Санкт-Петербург: Типография Я. Трея. 89 с.

Стерликова А.А. 2007. Позовите Герца, старенького Герца... Пётр и «яковитская интрига». *Родина*. №11. С. 67–69.

Фейгина С.А. 1959. *Аландский конгресс: Внешняя политика России в конце Северной войны*. Москва: Издательство академии наук СССР. 546 с.

Цвиркун В.И. 2010. *Димитрий Кантемир. Страницы жизни в письмах и документах*. Санкт-Петербург: Нестор – История. 412 с.

Цвиркун В.И. 2008. Похищение из Константинополя. Из истории взаимоотношений Антиоха и Димитрия Кантемиров. *Revista de Istorie a Moldovie*. № 2. Р. 138–146.

Ястребов А.О. 2018. *Русско-венецианские дипломатические и церковные связи в эпоху Петра Великого*. Россия и греческая община Венеции. Москва: Издательский дом «Познание». 394 с.